

Оригинальная статья / Original Article

От редакции. 12 мая 2024 года на 95-м году жизни скончался академик Юрий Дереникович Апресян. В № 3 за 2024 г. журнала опубликована памятная статья, посвященная научной деятельности выдающегося лингвиста и исследователя языка. На страницах этого номера в память о замечательном ученом и человеке мы публикуем воспоминания его коллег об уникальном опыте научного и человеческого общения с Юрием Дерениковичем.

From the editorial board. On May 12, 2024, Academician Yuri Derenikovich Apresyan died at the age of 95. In No. 3 for 2024, the journal published a memorable article dedicated to the scientific activities of the outstanding linguist and language researcher. On the pages of this issue, in memory of the remarkable scientist and man, we publish the memoirs of his colleagues about the unique experience of scientific and human communication with Yuri Derenikovich.

Прогулки с Апресяном (опыт заметок в мемуарном жанре)

© 2025 г. С. А. Крылов

0.

Ю.Д. Апресян сыграл в моей жизни очень значительную роль.

Правда, общение между нами было на 99%, во-первых, односторонним (то есть он был лишь отправителем информации, а я — лишь получателем), а во-вторых, письменным (то есть он был для меня прежде всего автором публикаций¹, а я — прежде всего их читателем²).

Но тем не менее, и при таком раскладе от моего общения с ним остаётся всё-таки этот 1% очной коммуникации, то есть личных бесед с ним.

С учётом масштаба личности Юрия Дерениковича, полагаю, хотя бы некоторым читателям будет любопытно ознакомиться и с этими маленькими штрихами к его портрету. Поэтому позволю себе поделиться ими с потенциальным читателем.

Заранее прошу прощения у моих читателей за некоторую (а может быть, и весьма значительную?) примесь нарциссизма, которая почти неизбежна для мемуарного жанра вообще, а также за невольную субъективность и нечёткость моей индивидуальной памяти, продолжающей хранить

какие-то пустяки, что-то неважное и потерявшей что-то существенное. Если я какие-нибудь детали и перепутал, то это, ей-Богу, было не нарочно.

1.

С Ю.Д. Апресяном мы познакомились примерно пятьдесят лет тому назад, то есть в том возрасте, когда я был школьником (десятиклассником, в 1974–1975 гг.).

Это было в один из дней моего «выпускного» учебного года, после того, как летом 1974 года я принял окончательное решение будущим летом (1975 г.) поступать на ОСиПЛ филфака МГУ. Видя такую мою решимость, мой отец, Александр Львович Крылов (1932–2018), взял меня с собой в гости («к Апресянам»), и познакомил меня с Ю. Д. и с его женой, Мариной Яковлевной Гловинской.

Помню, как в тот вечер, за чаем, Ю. Д. с восхищением рассказывал нам с отцом о юности их давнего (со студенческих лет) общего друга — И.А. Мельчука³. И, в частности, пересказал нам некоторую забавную факультетскую

¹ И не просто рядовым автором, а основополагающим автором, то есть таким, не зная книг которого стыдно.

² И не просто рядовым читателем, а читателем усердным, внимательным и благодарным.

³ С И.А. Мельчуком нас познакомил тоже мой отец (это было примерно в 1973–1974 гг. где-то под Москвой, в одном из нередких тогда «мельчуковских походов» по Подмоскovie). Со своим ровесником И.А. Мельчуком мой отец подружился в самом начале 1950-х годов, кажется, на спортплощадке МГУ, где он учился на мехмате, а Мельчук — на филфаке.

Рис. 1. Апресян в Крыму, 2006

Авторство: Al. Silonov. Personal collection, GFDL 1.2+, <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/b/be/Apresyan-Crimea-2006.jpg>

(филфаковскую) «байку» о приключениях И.А. Мельчука-младшекурсника.

Сам И.А. Мельчук (уже позднее, то есть летом 2024 г.) уверял меня, что всё это — не что иное, как чистейшая выдумка, то есть произведение студенческого филфаковского фольклора 1950-х годов. И тем не менее, ввиду того, что любой фольклор в какой-то мере основан на художественном преломлении реальных событий и фактов (в том числе даже тексты о кентаврах и единорогах), перескажу эту байку и я. Тем более, что она никому не может принести никакого вреда.

Звучала эта байка приблизительно так.

2.

В бытность студентом-младшекурсником И.А. Мельчук предпринял несколько попыток

стать лингвистом-романистом. С этой целью он обратился к известному филологу-романисту профессору Р.А. Будагову с просьбой дать ему какое-нибудь научное задание из сферы романской филологии. Тот ответил встречным предложением сперва сдать ему, Р.А. Будагову, как бы неформальный экзамен по этой дисциплине и предложил ему проштудировать некоторый список обязательной литературы по теме⁴. И.А. Мельчук мгновенно выполнил задание Р.А. Будагова и на следующий день попросил проэкзаменовать его. Этот экзамен, к удивлению Р.А. Будагова, И.А. Мельчук сдал «на отлично», повторив просьбу дать ему какое-нибудь научное задание. В ответ Р.А. Будагов расширил список обязательной

⁴ В том числе (если мне не изменяет память), речь шла об объёмистой книге Э. Бурсье «Основы романского языкознания».

литературы по теме (втайне надеясь на то, что второго экзамена И.А. Мельчук не сдаст). Но и этот расширенный список И.А. Мельчук быстро одолел, успешно сдав через несколько дней также и второй экзамен и повторив просьбу дать ему, наконец, какое-нибудь научное задание. Тогда Р.А. Будагов ещё раз расширил список обязательной литературы, который И.А. Мельчук опять без труда одолел, и уже в третий раз успешно сдал Р.А. Будагову экзамен по романскому языкознанию. Услышав от И.А. Мельчука (уже в четвёртый раз) предложение «поставить ему, наконец, какую-нибудь конкретную задачу», Р.А. Будагов пришёл в растерянность, так как сформулировать никакую конкретную задачу не был в состоянии. Таким образом, студент И.А. Мельчук оказался перед задачей придумать какую-нибудь новую область применения своих умственных способностей, но в «традиционной» романской филологии разочаровался в результате безуспешной попытки заняться ею под руководством Р.А. Будагова.

И уже в дальнейшем последовало знакомство И.А. Мельчука с Вяч.Вс. Ивановым, под руководством которого И.А. Мельчук занялся тохарскими языками, а затем — с А.А. Ляпуновым, под руководством которого он в 1954 г. начал заниматься теорией машинного перевода.

3.

С точки зрения теории сюжетных инвариантов волшебной сказки (разработанной В.Я. Проппом) эта «байка» представляет собой очередное воплощение «архисюжета» о трехкратном испытании главного героя.

Вот примерно так, с момента устного рассказа этой «байки», началось моё непосредственное очное общение с Ю.Д. Апресяном.

Юрию Дерениковичу тогда было примерно 44 или 45 лет, а мне — 16 лет.

4.

Начиная с первых наших встреч и всю последующую мою жизнь он охотно дарил мне свои книги и статьи, а я, в свою очередь, оказался их благодарным читателем и считал своим долгом внимательно их штудировать.

В особенности произвела на меня глубокое и неизгладимое впечатление его книжка Апресян 1966. Она сразу же, с моего I курса (1975–1976), вошла в узкий набор моих «настолярных» книг. Их можно было буквально пересчитать «по пальцам». Кроме этой книги (которую студенты ОСиПЛа называли по признаку цвета обложки

«красным Апресяном»), в этом наборе были две научные монографии (Зализняк 1967 и Мельчук 1974), один задачник (Городецкий — Раскин — Зализняк 1972) и статья Мельчук 1975. А примерно со II курса (1976–1977) к этому узкому комплексу добавились ещё три монографии: «зелёный Апресян» (то есть Апресян 1974), Гладкий — Мельчук 1969, Падучева 1974.

Мне кажется, что для многих ОСиПловцев перечень таких настольных книг был примерно тот же, что и перечисленный мною⁵.

5.

Моё⁶ восприятие всего «мира теоретической лингвистики» в те мои юношеские годы (1975–1976 гг.) было насквозь проникнуто концепцией книги Апресян 1966, то есть имело отпечаток⁷ этого чтения.

Иными словами, из всего безбрежного массива публикаций по лингвистике на I курсе университета я считал своим профессиональным долгом читать в первую очередь работы преимущественно тех авторов, на работы которых были ссылки в Апресян 1966. А начиная со II курса (1976–1977) примерно так же я стал воспринимать книги Апресян 1967 и Апресян 1974, тоже ставшие для меня «настолярными».

6.

С тех пор мы с Ю.Д. Апресяном встречались неоднократно, но уже не в гостях у него (хотя действительно эпизодически я у него дома в гостях очень изредка бывал), а преимущественно на его семинаре в Информэлектро (примерно с 1976 года). Уже несколько позднее (это было примерно в 1978 г.) мы встречались также на его лексикографическом спецкурсе (на кафедре русского языка в МГУ), преждевременно оборванном (как известно, не по доброй воле лектора).

⁵ Кроме того, спецификой лично моего индивидуального круга чтения (в отличие от моих соучеников по ОСиПЛу) было то, что на I курсе (1975–1976) в него входили также некоторые книги, не очень типичные для стандартного ОСиПловского комплекта: корпус статей по лингвистике из БСЭ III издания, монография Панов 1967, хрестоматия Реформатский 1971 и учебник Реформатский 1967. На II курсе (1976–1977) к ним добавились обзор Гладкий — Мельчук 1969, монография Апресян 1967 и статья Апресян 1963; на III курсе (1977–1978) — учебник Маслов 1975, монографии Булыгина 1977, Касевич 1977, Арутюнова 1976 и статьи Булыгина 1964, Булыгина 1968, Арутюнова 1964, Арутюнова 1968, Падучева 1977, Гак 1977.

⁶ Как мне кажется, также и некоторых других ОСиПловских студентов тех времён.

⁷ Или, как выражаются психологи, «импринтинг».

Большая часть наших бесед происходила по дороге пешком от Информэлектро до метро «Лермонтовская» или «Проспект Мира» (или, в 1978 г., от МГУ до метро «Университет»). Поэтому я позволяю себе озаглавить эти воспоминания, употребляя конструкцию «прогулки с...» (заимствованную мною из книги Абрама Терца).

Чем было особенно ценно (разумеется, лично для меня!) непосредственное общение с Ю.Д. Апресяном?

7.

Во-первых, в мои юношеские годы, в 1975–1976 гг., когда я был первокурсником ОСиПЛа, в моём дружеском кругу у многих преобладало такое ощущение (по сути дела, нигилистическое), что вся современная лингвистика второй половины XX века вообще не имеет никакой пред-истории⁸, что она началась от силы примерно лет двадцать тому назад «на пустом месте», а раньше не было фактически ничего (ну, или «почти ничего»).

Тогда как Ю.Д. Апресян, напротив, историю лингвистики прошлых лет (особенно это касалось первой половины XX века) знал и ценил⁹. В особенности это касалось истории структурной лингвистики (и её пред-истории), а также истории семантики (и её пред-истории)¹⁰. И это придавало

⁸ Я сознательно выбираю введение элементов индивидуальной авторской орфографии, в рамках которой термин [предыстор'ийа] записывается как «пред-история» (аналогично пишется «без-идейный», «контр-израильский» и т.п.). Это я делаю затем, чтобы, с одной стороны, избежать в своей письменной речи чередования «и-ты» в начале морфемы (по мне, «предЫстория» выглядит примерно так же причудливо, как «контрЫзраильский», «безЫдейный» и т.п.), и, с другой стороны, не вводить замену на синонимичный ему термин «до-история», который отличается от термина «пред-история» неуловимым семантическим нюансом, который затруднительно сформулировать.

⁹ Разумеется, я об этом знал преимущественно не из личного устного общения с Ю. Д., а из содержания его книг и статей. Ведь в его работах встречались ссылки на Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена, Э. Сепира, А. Мейе, В.В. Виноградова, Л.В. Щербу, Л. Ельмслева, А.А. Шахматова, Л. Блумфильда, В. Гумбольдта, Э. Бенвениста, А.А. Потебню, Г. Пауля, Ш. Балли, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского и многих других классиков лингвистики. В результате внимательные читатели книг Апресяна, к числу которых относился и я, могли сделать из этого чтения тот вывод, что лингвистика второй половины XX века, оказывается, возникла не на пустом месте, как мы — юные читатели книги — по своей наивности тогда полагали.

¹⁰ Кроме того, Ю. Д. иногда публиковал очень информативные содержательно богатые очерки вклада в лингвистику других лингвистов — Н. Абрамова, А.М. Пешковского, И.Е. Аничкова, В.В. Виноградова, И.А. Мельчука,

ему, как эрудированному собеседнику, особую дополнительную весомость, особый авторитет.

8.

Во-вторых, Ю.Д. Апресян иногда устно делился с молодыми собеседниками (к числу которых я имел честь принадлежать) некоторыми воспоминаниями о тех исторических событиях, которые он, в отличие от молодых собеседников, застал, то есть видел своими глазами и слышал своими ушами.

Через много лет Ю. Д. частично отразил эти сюжеты в недавно опубликованном весьма интересном автобиографическом интервью¹¹. Однако многие интересные эпизоды и исторические детали в это интервью не вошли. В частности, достойны внимания некоторые, хотя и мелкие, но в некоторых отношениях примечательные, на мой личный субъективный взгляд, «штрихи» из этой сферы. Поэтому я позволю себе поделиться этими мелкими штрихами с читателем.

9.

В первую очередь мне хотелось бы обратить внимание на то, что всякий раз, когда в разговоре Ю. Д. упоминал В.В. Виноградова, то, несмотря на очевидное различие в общенаучных взглядах¹² между этими двумя великими учёными, Ю. Д. всегда относился к Виноградову с огромным пиететом, восхищался его лингвистической прозорливостью, его универсализмом, необъятностью его филологической эрудиции, абсолютностью его лингвистического слуха и зрения¹³.

Насколько я помню, с большой теплотой и человеческой симпатией относился Ю. Д., в частности, и к А.А. Реформатскому, фотография которого, как мне помнится, стояла (или висела?) в его домашнем кабинете, а также к В.Ю. Розенцвейгу.

10.

Отношение Ю. Д. к С.К. Шаумяну, как известно¹⁴, было более непростым и, можно сказать, неоднозначным, двойственным. Однако

К.И. Бабицкого, Р.Л. Добрушина, Э. Палл. В публикации двух из этих очерков (о Н. Абрамове и об А.М. Пешковском) мне довелось косвенным образом поучаствовать. Поэтому в тексте мемуарных заметок, предлагаемых вниманию читателя, я позволю себе коснуться этих двух эпизодов.

¹¹ См. Апресян 2021.

¹² а также различие в т.н. гражданской позиции; об этом различии см. подробнее Апресян 2021.

¹³ Вкратце, но очень информативно заслуги Виноградова оцениваются в статье Апресян 1995б.

¹⁴ См. Апресян 2021.

примечательна следующая деталь: как я помню, в январе 1990 г.¹⁵, делаясь со мной своими воспоминаниями на тему «дискуссии о фонеме» 1952–1953 гг., Ю. Д. отдал должное научной смелости Себастьяна Константиновича в отстаивании своих научных взглядов¹⁶ и высоко оценил остроумие Шаумяна, в полемике с философом А.Г. Спиркиным иронически предложившего заменить в тексте рассуждений А.Г. Спиркина о фонеме существительное «фонема» на существительное «корова»¹⁷ («Бастя так ему выдал!» — с восхищением рассказывал Ю. Д. об этой дискуссии; по его воспоминаниям¹⁸, это было блистательно и запомнилось надолго).

11.

Ещё мне запомнился один из наших разговоров (если мне не изменяет память, примерно осенью

¹⁵ На лексикографической школе в Тарусе.

¹⁶ Напомню, что на момент 1952 г. С.К. Шаумян был первым советским лингвистом, осмелившимся заявить о правомерности существования фонологии (как учения о функциональной стороне звуков) и признать заслуги Н.С. Трубецкого (Шаумян 1952), а на момент 1953 г. — первым советским лингвистом, открыто признавшим себя сторонником «структурной лингвистики» (Шаумян 1953), хотя в I половине 1950-х годов в СССР слова «структурализм» и «структуралист» имели «ругательный» смысл и применялись лишь к зарубежным учёным или к эмигрантам.

¹⁷ Чтобы сегодняшнему читателю было понятнее, о чём шла речь, процитирую: «Посмотрим теперь, насколько А.Г. Спиркин знаком с фонологией, проблемы которой он взялся рассматривать с философской точки зрения. Вся первая глава его статьи, носящая заглавие “Фонема как реальная языковая единица”, есть набор бессодержательных, пустых фраз, между которыми вставлены цитаты из Ленина и Энгельса. Для образца возьмем рассуждение А.Г. Спиркина о качестве фонемы: “Качество фонемы — это совокупность ее признаков, свойств, особенностей, которые в своем единстве образуют нечто целое — определенную звуковую единицу” (далее идёт ссылка (69) на работу [Спиркин 1962: 475]. — С.К.). Чтобы убедиться в полной бессодержательности этого рассуждения, сделаем следующий эксперимент: заменим в этом рассуждении слово “фонема” и его синоним “звуковая единица” словом “корова”. Получаем рассуждение, которое несколько не хуже: “Качество коровы — это совокупность ее признаков, свойств, особенностей, которые в своём единстве образуют нечто целое — определенную корову”» (Шаумян 1953: 546).

¹⁸ И не только по его воспоминаниям, но и по воспоминаниям некоторых других сверстников Ю. Д. Почти такую же мемуарную реплику (именно «почти», потому что в ней была употреблена не фамильярная номинация «Бастя», а нейтральная — просто «Шаумян») я своими ушами слышал и от другого лингвиста, сверстника Ю. Д., В.А. Дыбо (1931–2023) — тоже современника «дискуссии о фонеме» 1952–1953 гг., следящего за ней глазами тогдашнего студента, читающего свежие номера «Известий АН СССР» («Отделения литературы и языка»). Как и Апресян, Дыбо был в восхищении от примера про замену «фонемы» на «корову». Вот что иногда бывает с удачно подобранными примерами (“bon mot”), с годами превращающимися в «крылатые слова» и затем в легенду!

1978 года, после одной из лекций Ю. Д. в МГУ). В своей лекции он затронул тему классификации разных значений глагола *быть* и, в частности, отметил, что существующие описания семантики этого глагола игнорируют его употребление в «связочно-идентифицирующем» значении. После доклада (то есть «в кулуарах») я к нему подошёл и задал ему вопрос, имеет ли он в виду (под существующими описаниями) любые описания вообще. Он ответил мне, что имел в виду лишь словари, а не грамматические описания. В связи с этим я обратил его внимание на то, что в работе Арутюнова 1976 «связочно-идентифицирующему» значению посвящена особая глава. И вот как раз после этого разговора в публикациях работ Ю. Д.¹⁹ стали постоянно (всё чаще и чаще) появляться ссылки на работы Н.Д. Арутюновой по семантике²⁰.

12.

Примерно с 1977 года я начал регулярно посещать семинар Апресяна по лингвистике в Информэлектро (позднее переместившийся в стены ИППИ). Этот семинар был очень важным элементом интеллектуальной научной жизни лингвистов 1970–1980-х годов. В стенах этого семинара я впервые увидел своими глазами («живьём») многих выдающихся лингвистов (преимущественно «математических лингвистов») и математиков (работавших с естественными языками) того времени, в том числе как делавших доклады на этом семинаре (В.Г. Гака, Ю.С. Мартемьянова, В.З. Санникова, Л.Л. Иомдина, Л.П. Крысина, В.А. Ицковича, Л.Л. Цинмана, Н.В. Перцова, Г.Е. Крейдлина и др.), так и слушавших эти доклады (В.Ю. Розенцвейга, О.С. Кулагину, Н.А. Еськову, Н.Н. Леонтьеву, В.В. Гуревича, Е.В. Красильникову, С.Е. Никитину, З.М. Шаляпину, Н.Н. Перцову и др.).

13.

Как известно, Ю. Д. был предельно требователен к качеству научных текстов, которые ему по разным причинам приходилось читать. Это сказывалось, в частности, в довольно избирательном отборе докладов и докладчиков на его семинаре в Информэлектро (и позднее в ИППИ). Тем не менее, однажды (это было примерно между 1982

¹⁹ Начиная с работы Апресян 1980: 70, 109.

²⁰ Я сознательно выбрал формулировку «по семантике», так как единичная эпизодическая ссылка на работу Н.Д. Арутюновой всё-таки встретилась в книге Апресян 1974: 191 (сноска), но эта работа Н.Д. Арутюновой посвящена не семантике, а теории словообразования (//дериватологии).

и 1984 гг.²¹) я был удостоен чести сделать доклад на его семинаре²². Мой доклад (вместе с прениями) занял даже не одно, а два полуторачасовых заседания и был воспринят с интересом²³. Вскоре в некоторых публикациях Ю. Д. появились ссылки на мои статьи о дейксисе²⁴ и упоминание моего имени в составе благодарности тем коллегам, которые делали автору ценные замечания на темы дейксиса²⁵.

14.

Когда я в конце 1980-х — начале 1990-х годов занимался историей отечественной семиотики, то мне было интересно интервьюировать тех участников семиотического движения 1960-х годов, которые были тогда ещё живы и помнили начальные годы советской семиотики. Мне почему-то запомнились воспоминания Ю. Д.²⁶ о московском «симпозиуме по структурному изучению знаковых систем» 1962 г. (Москва, АН СССР, Институт славяноведения), в котором Ю. Д., хотя сам и не делал никаких докладов, но участвовал не только как слушатель, но и как один из молодых людей, оказывавших организаторам симпозиума²⁷ какую-то (преимущественно «техническую») помощь.

Этот симпозиум, организованный фактически «с благословения» академика А.И. Берга, вызвал сильное недовольство в Идеологическом отделе ЦК КПСС, в результате чего, как говорится, «крепко влетело» тогдашним академикам-филологам (хотя и не имевшим отношения к организации симпозиума, однако «не предотвратившим своевременно всех этих безобразий»).

После проведения этого симпозиума, как вспоминал Ю. Д., тех молодых людей из Института русского языка АН СССР, которые участвовали в организации симпозиума (в их числе был и сам

Ю. Д.)²⁸, вызвали для проработки «на ковёр» к директору ИРЯ АН СССР академику Виноградову, чтобы он им сделал основательное внушение. И В.В. Виноградову действительно пришлось этих молодых людей «распекать».

Тут я, помнится, сказал что-то вроде того, что «ну да, конечно, ведь в этих докладах не было ни одной ссылки на классиков марксизма или на постановление ЦК КПСС, так что негативная реакция ЦК КПСС вполне объяснима...». На что Ю. Д. мне ответил: «Да нет, вовсе не в этом было дело!» «А в чём же было дело? — спросил я удивлённо. — Я-то думал, что всё дело было именно в этом». На что Ю. Д. мне ответил, что организаторы симпозиума допустили нарушение общественного приличия, озорство на грани хулиганства, так что самым частым термином, произносимым устно в кулуарах симпозиума при обсуждении докладов²⁹, был термин «coitus interruptus».

15.

Как-то раз Ю. Д. пригласил меня участвовать в работе зимней лексикографической школы в Тарусе (январь 1990). В хорошую погоду мы³⁰ по утрам катались на лыжах (вокруг пансионата, то есть по окрестностям Тарусы), а в непогоду и по вечерам обсуждали доклады друг друга на семантические темы. В один из вечеров главным неофициальным событием было празднование 60-летнего юбилея Ю. Д. Накануне этого события мы³¹ репетировали сценарий завтрашнего «капустника», где, в частности, исполнялись (мною) шуточные частушки на лексикографическую тему, напр.:

«Слово по реке плывёт / из села Кукуева. / Ты попробуй-ка, лингвист, / верно истолкуй его!»
«По деревне мы идём, / материмся басом... / А причина только в том: / недовольны БАС-ом!»
«По Оке плывёт словарь / из села Поленова. / Ну и пусть себе плывёт, сочиненье хреново»
«Мимо пятого окошка / я без шуток не хожу: / то актёр в него просуну, / то аналог покажу!».

²⁸ Кто именно входил в число этих относительно молодых (на момент 1962 г.) людей, сейчас уже не вполне ясно. Но в ИРЯ АН СССР (на тот момент), кроме Ю.Д. Апресяна, работали такие участники (и докладчики) этого симпозиума, как С.К. Шаумян, В.В. Шеворошкин и Б.В. Сухотин. Вполне вероятно, что они были и среди «прорабатываемых» тогда «на ковре» у Виноградова.

²⁹ Насколько я могу понять, данная тема возникла в ходе обсуждения (в кулуарах симпозиума 1962 г.) доклада А.М. Пятигорского и А.В. Герасимова о тантризме, в тексте тезисов которого действительно несколько раз повторяется термин «coitus sine ejaculatione».

³⁰ Точное количество участников я сейчас не помню. Но их было в общей сложности человек примерно 30.

³¹ Помнится, совместно с А.Д. Шмелёвым и И.Б. Левонтиной.

²¹ В те несколько месяцев заседания семинара Апресяна происходили на территории Измайловского острова (на Серебряно-Виноградном пруду), в одном из бывших монастырских зданий Измайловской (Николаевской) военной богадельни, находившемся в те годы в ведении Информэлектро.

²² Тематически мой доклад примерно соответствовал статье Крылов 1983.

²³ Насколько я помню, на заседании семинара в тот день председателем был И.М. Богуславский, а среди участников были М.Я. Гловинская, Н.Н. Леонтьева, В.З. Санников и др.

²⁴ См.: Крылов — Падучева 1983.

²⁵ См. Апресян 1986; Апресян 1995: 630, 633, 649.

²⁶ Этими воспоминаниями он со мной поделился, если я не ошибаюсь, примерно между 1989 и 1992 гг.

²⁷ De facto роль организаторов выполняли Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров.

Помнится, юбиляру частушки понравились; во всяком случае, на следующий день, вечером услышав их исполнение на капустнике, он заразительно хохотал.

16.

В самом конце 1980-х я изготовил лексический указатель к книге Апресян 1974 объёмом примерно 5500 статей. Этот указатель был аннотированным, то есть не ограничивался указанием на страницы, но ещё и с помощью особой системы буквенных помет при номерах страниц несколько уточнял то, в каком из аспектов данная лексическая единица анализируется на этой странице данной книги. Набор таких аспектов был ограничен примерно двумя десятками.

В 1990 г. я узнал, что книгу Апресян 1974 планируют перевести на английский язык и издать этот перевод в США.

И тогда я предложил автору и переводчикам опубликовать этот указатель вместе с английским переводом оригинальной книги.

По моему замыслу, сама публикация такого указателя позволила бы частично преобразовать тот жанр чисто научной монографии, в котором была исходно создана эта книга, превратив её в своеобразный путеводитель по лексике русского языка. Такой справочник позволил бы читателям получать справки о каждом из примерно 5500 слов, входящих в словник этого указателя.

Мой замысел получил одобрение как автора оригинала, так и издателей английского перевода. В итоге составленный мной указатель был в него включён³².

Более того, одним из результатов этого включения стала радикальная модификация самого названия этой книги: а именно, в английском переводе был добавлен содержательно очень важный подзаголовок, которого не было в русском оригинале книги: «A guide to Russian vocabulary»³³, то есть «Путеводитель по русской лексике».

Тем самым, мне выпал удачный случай фактически принять посильное участие в создании новой версии книги Апресян 1974. И впоследствии, уже в 1995 году, после выхода в свет 2-го издания «Лексической семантики», Ю. Д. фактически очень высоко оценил мой вклад в создание новой версии книги (Apresjan 1992, Апресян 1995) в своей дарственной надписи мне «моему почти соавтору...». Этой надписью он меня очень растрогал.

³² Krylov et al. 1992.

³³ См. Apresjan 1992.

17.

В первой половине 1990-х годов я изготовил усовершенствованный вариант справочного аппарата к «Лексической семантике». Он не сводился к лексическому указателю, но включал также аннотированный указатель терминов (объёмом примерно на 2500 терминов) и аннотированный указатель сем (объёмом примерно на 2000 сем)³⁴.

Вскоре я узнал, что А.Д. Кошелев³⁵ собрался переиздать книгу Апресян 1974 в своём издательстве в составе двухтомника Ю. Д. в качестве I тома. И я предложил ему издать мои указатели вместе с книгой. Ознакомившись с этими указателями и оценив степень их подробности, А.Д. Кошелев шутливо заметил, что указатели такой степени подробности встречались ему раньше лишь в составе изданий текстов отцов Церкви. Но в итоге опубликовать их он согласился, в результате чего три указателя к этой книге, включённые в состав I тома однотомника Апресяна³⁶, увидели свет в 1995 году³⁷.

В своём предисловии ко 2-му изданию «Лексической семантики» Ю. Д. высоко оценил качество того справочного аппарата, который я изготовил. Сегодня, уже тридцать лет спустя, на старости лет, я могу позволить себе нескромность похвастаться, процитировав эту оценку: «*Исключительную роль в технической модернизации всех вошедших в двухтомник работ сыграл С.А. Крылов, составивший к ним уникальные многомерные указатели собственного изобретения*»³⁸.

Впоследствии составленный мной справочный аппарат лёг в основу справочного аппарата ко 2-му изданию польского перевода «Лексической семантики» (сделанному со 2-го московского издания 1995 г.)³⁹.

18.

Однажды⁴⁰ мне позвонила Е.А. Гришина⁴¹ и сообщила, что собирается переиздавать русский синонимический словарь Н. Абрамова

³⁴ Помимо этого, справочный аппарат включал также и аннотированный именной указатель.

³⁵ Кошелев Алексей Дмитриевич — главный редактор издательства «Языки славянских культур».

³⁶ См. Крылов 1995а, Крылов 1995б, Крылов 1995в.

³⁷ Именной указатель, к сожалению, не удалось опубликовать по техническим причинам.

³⁸ См. Апресян 1995в: VII.

³⁹ См. Apresjan 2000.

⁴⁰ Это было не ранее 1993 г. и не позднее 1994 г.

⁴¹ Елена Александровна Гришина (1958–2016) — моя однокурсница времён ОСиПЛа, а позднее, на момент событий 1993–1994 гг. — директор издательства «Русские словари».

(1903), знаменитый своим крайне широким либеральным подходом к степени смысловых расхождений между членами синонимического ряда. Издательские планы Елены Александровны предполагали, что словарь будет переиздан с предисловием какого-нибудь современного лингвиста, доказывающего актуальность этого переиздания для лингвистики наших дней. В ходе нашего с ней обсуждения возможной кандидатуры для автора предисловия (сразу же заявив ей о самоотводе своей кандидатуры на эту роль) я высказал гипотезу, что, на мой взгляд, оптимальным кандидатом на роль автора предисловия был бы Ю.Д. Апресян — как лучший знаток истории русской (и английской) синонимической лексикографии. Лена сразу же согласилась с этим суждением, но призналась мне, что смущается и робеет звонить Апресяну с этим предложением. «А может быть, ты сам ему и позвонишь? Ведь вы с ним хорошо и давно знакомы... Авось и удастся его уговорить. Это было бы чудесно!». «Хорошо, позвоню», — ответил я.

И вскоре я действительно позвонил Ю.Д. Апресяну. Я начал разговор “*ab ovo*”, то есть с того, что стал долго и занудно ему рассказывать о том, чем примечателен и важен для наших дней словарь Н. Абрамова. Терпеливо выслушав моё пространное объяснение, он ответил мне: «Да, я, конечно, знаю этот словарь!» — «А не согласились бы Вы написать к нему предисловие?» — «В принципе — да, почему бы и нет? Но какого объёма?» — «Э-э-э...», — замялся я...

Тут я призадумался, потому что Лена Гришина не дала мне никаких инструкций насчёт того, как мне отвечать на подобные вопросы, и несколько секунд размышлял, что бы такое внятное ответить на этот (на первый взгляд, нехитрый) вопрос Ю. Д. Наконец, чувствуя, что моё молчание, прерываемое только моими эканьями, беканьями и прочими «междометиями гезитации», несколько затянулось, я высказал первое, что пришло в голову: «Ну, эээ... скажем ...эээ... так, не более одного печатного листа!». И вот на этом месте нашей беседы Ю. Д. решительно ответил, что предисловие писать он не станет. Мотивы своего внезапного (как мне тогда показалось) отказа он никак не комментировал.

Несколько огорчённый результатами переговоров, я позвонил Лене Гришиной и подробно рассказал по памяти их содержание. Услышав пересказ моей реплики «не более одного печатного листа!», она воскликнула: «Ну, ты даёшь! Ты же своим ответом “спугнул” Апресяна и тем самым испортил всё начатое дело». «И что же теперь мне

делать?» — виновато спросил я, почувствовав всю неуклюжесть своего разговора с Ю. Д. Ведь слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. «Ещё не всё потеряно, — ответила Лена. — Позвони ему снова. Извинись за непродуманные слова в твоей реплике насчёт одного печатного листа. Признайся в том, что эти слова были не согласованы со мной, то есть с директором издательства. И передай ему согласованную со мной формулировку ответа». «А какую же формулировку ты предлагаешь?» — спросил я. Лена ответила, что надо было сказать примерно так: «Так как всякое Ваше слово — на вес золота, то от Вас вполне достаточно будет и полстранички. Хватит и десяти — пятнадцати строчек!». «Ну, хорошо, — ответил я Лене, — обещаю, что так я и сделаю».

Вскоре, позвонив Юрию Дерениковичу, я де-завуировал сказанное насчёт одного печатного листа (то есть взял свои слова обратно) и добавил к этому разделявшееся мною мнение директора издательства, что «так как всякое его слово — драгоценно, то вполне достаточно будет и полстранички». Реакция Ю. Д. на мою поправку была, к удовольствию Лены, предсказуемо положительной: он-таки согласился это предисловие написать, и оно было опубликовано в составе переиздания словаря⁴².

19.

Как-то раз⁴³ при подаче моей заявки на какой-то конкурс научных проектов мне понадобилось приложить к этой заявке краткий положительный отзыв авторитетного специалиста, и Ю. Д. согласился исполнить роль такого рецензента. Как водится, я предложил ему, чтобы я изготовил черновую версию (как говорится, «шпаргалку») этого отзыва. Но дополнительная трудность состояла в том, что текст этого отзыва должен был быть представлен по-английски. Поэтому я срочно изготовил английскую версию этого отзыва, спешно состряпанную мной на ломаном английском языке.

Когда я принёс её Апресяну на подпись, то он, бегло проглядев мой корявый английский текст, велел мне оставить этот текст ему. Сказав мне, что он над ним подумает, Ю. Д. попросил зайти за ним через несколько дней. Эти несколько дней я провёл в недоумении. «Почему он заставляет меня приезжать заново? Неужели сразу нельзя было подписать?» — наивно недоумевал я.

⁴² В 1994 г. словарь действительно вышел с предисловием Ю. Д. (см. Апресян 1994).

⁴³ Это было во второй половине 1990-х годов.

Но вскоре, через несколько дней, Ю. Д. действительно поставил свою подпись под положительным отзывом на мою заявку. Взглянув на текст этого отзыва, я неожиданно увидел, что от моего корявого английского текста не осталось и следа. Текст радикально преобразился, так что его невозможно было узнать. Видя моё удивление, Апресян сказал мне: «Неужели Вы думаете, что я мог поставить свою подпись под **этим**?». И тут я понял, что он отдал мне совершенно другой текст, который сам он полностью переписал заново, потому что **такой** текст (подготовленной мною шпаргалки) подписывать он не мог.

Внимательно прочитав этот положительный отзыв, я понял, что против содержательной его стороны Ю. Д. ничего не имел, однако мой крайне неуклюжий английский язык привёл его в такое отчаяние, что он не пожалел потратить немало своего рабочего времени, чтобы этот английский переводной текст выглядел прилично.

Этот незначительный эпизод показывает, сколь высока была требовательность Ю. Д. не только к содержанию, но и к языковой форме и стилистической безупречности тех его письменных текстов, которые были предназначены для чтения другими людьми.

20.

Однажды⁴⁴ мне позвонил А.Д. Кошелев и сообщил мне о том, что он намеревается переиздать знаменитую книгу А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». Он спросил моего мнения о том, кто бы мог к этой книге написать хорошее предисловие. Я поделился с ним своими соображениями на этот счёт (в частности, высказав мнение, что если бы удалось уговорить Апресяна, то это было бы самым удачным вариантом выбора).

Издатель последовал моему совету, и результатом переговоров было согласие Ю. Д. написать искомое предисловие⁴⁵ (см. Апресян 2001).

Своё предисловие к книге Пешковского Ю. Д. дал мне прочитать на предмет замечаний, и мы с интересом обсудили с ним все дискуссионные моменты, затронутые в этой статье. В частности, мы коснулись и некоторой острой и по-своему несколько драматичной темы — а именно той резкой критики, которой подверг Пешковского В.В. Виноградов. Мы оба разделяли то мнение,

что эта критика была по преимуществу несправедлива по отношению к Пешковскому.

В ходе обсуждения этого сюжета встал вопрос о том, в чём состояли психологические (субъективные) причины столь критичного отношения Виноградова к Пешковскому. И я попытался устно подыскать для характеристики этого отношения какие-то подходящие термины: то ли «злое», то ли «ядовитое», то ли «желчное» ...?

И вот тут Ю. Д. поправил меня.

На этом месте нашей беседы я, признаться, был поражён тем, насколько точный (и в то же время очень ёмкий) термин нашупал Ю. Д. для характеристики этого отношения: по формулировке Ю. Д., оно было очень «*ревнивым*».

В частности, придирки к теории «сказуемости» Пешковского и нападки на неё объясняются не чем иным, как именно «ревностью» со стороны Виноградова.

Предметом этой ревности Виноградова была альтернативная (Пешковскому) теория, развиваемая Виноградовым и впоследствии (фактически с его «лёгкой руки») получившая наименование «*виноградовского учения о предикативности*».

Как и в случае с предисловием к словарю Н. Абрамова в 1994, в этом эпизоде вышло так, что судьба мне опять «подкинула» удачный случай стать инициатором (или даже искусителем?), «соблазнившим» Ю. Д. обратиться к редкой для него теме истории языкознания первой трети XX в.

21.

В 2010 году Ю. Д. отмечал своё 80-летие.

Этому юбилею была посвящена научная конференция, в одном из секционных заседаний которой я принял участие с кратким устным обзором на тему истории Московской семантической школы как части истории отечественного языкознания (письменный текст соответствующего доклада пока что до сих пор не опубликован). Кроме того, этому же событию был посвящён сборник научных статей⁴⁶, в котором я опубликовал свою статью, включающую семантический указатель к книге Апресян 1967⁴⁷.

Думается, что публикация такого указателя лишней раз продемонстрировала тот примечательный (с точки зрения истории синтаксических теорий последнего полувека) факт, что концепция книги Апресян 1967 с опережением примерно

⁴⁴ Это было примерно в 2000 или 2001 году.

⁴⁵ И вскоре оно действительно появилось в печати, см. Апресян 2001.

⁴⁶ См. Богуславский — Иомдин — Крысин 2011.

⁴⁷ См. Крылов 2011.

на два десятилетия и предвосхитила «грамматику конструкций»⁴⁸ (Ч. Филлмор, А. Голдберг и др.)

22.

Последняя наша встреча с Ю. Д. состоялась на конференции в ИРЯ РАН, в честь его уже 90-летнего юбилея. Я принял участие в этой конференции, сделав доклад на тему, близкую сфере теоретических интересов юбиляра⁴⁹. Вслед за заседаниями была, как водится, неофициальная часть⁵⁰. Потом, когда народ уже начал с банкета расходиться, я подошёл к Ю. Д. и М. Я., чтобы попрощаться. На прощание Ю. Д. сказал мне: «Серёжа, Вы приносите лингвистике большую пользу. Спасибо Вам за это!». Мне было приятно это слышать.

Этому эпизоду в январе 2020 г. было суждено оказаться нашей почти последней очной беседой⁵¹.

23.

Со времени нашего знакомства с Ю. Д. прошло примерно полвека. Эпизоды нашего с ним очного общения за все эти минувшие десятилетия, увы, не были ни частыми, ни продолжительными. И некоторую разумно умеренную взаимную дистанцию мы тоже интуитивно чувствовали и старались её, как говорится, соблюдать.

По-человечески Ю. Д. всегда относился ко мне очень благожелательно, и я всегда это чувствовал⁵². Изредка мы с ним спорили (главным образом в ходе прений по разным докладам на его семинаре). Но когда я видел, что он в чём-либо был глубоко убеждён, то я никогда не стремился его во что бы то ни стало переубедить (непреренно «обратив в свою веру»). Поэтому наши споры никогда не доходили до стадии ссоры. Так что

⁴⁸ В иных терминах «конструкционную грамматику», или «лингвистику конструкций».

⁴⁹ См. Крылов 2020.

⁵⁰ На банкет я принёс гитару. Мы пели песни. Преимущественно это были песни Окуджавы 1950–1970-х годов. Юбилея пение понравилось.

⁵¹ Не считая почти молчаливой («Здрасьте — Здрасьте») встречи на прощании с В.А. Дыбо (1931–2023) в здании Президиума РАН, в середине мая 2023 г., когда мы с Ю. Д. (уже после кончины Марины Яковлевны) в последний раз виделись очно.

⁵² В частности, за то, что он познакомил меня с некоторыми своими друзьями — во многом замечательными людьми, такими как технический сотрудник (сотрудница) ИРЯ АН СССР Лариса Владимировна Степанченко (1920–?) и видный англист (аспектолог) Григорий Исаакович Венгеров (1922–2000).

не ссорились мы с ним никогда. И всю жизнь сохраняли очень тёплые взаимные отношения.

В целом Ю. Д. сыграл очень значительную позитивную роль в моей жизни (как и в жизни многих моих коллег и друзей), за что я ему очень благодарен. Светлая память ему!

Литература

- Апресян 1963: *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Шаумян С.К. (отв. ред.). Проблемы структурной лингвистики 1963. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 102–150.
- Апресян 1966: *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966. 301 с.
- Апресян 1967: *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
- Апресян 1974: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
- Апресян 1980: *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл Текст» // Reuther T. (Hrsg.). Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien: Verlag Otto Sagner, 1980. S. 1–119.
- Апресян 1986: *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Михайлов 1986. С. 5–33.
- Апресян 1994: *Апресян Ю.Д.* Предисловие // Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: «Русские словари», 1994. С. 3–6.
- Апресян 1995а: *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII + 472 с.
- Апресян 1995б: *Апресян Ю.Д.* Современность классики // ВЯ. № 1. 1995. С. 34–36.
- Апресян 1995в: *Апресян Ю.Д.* Предисловие // Апресян 1995а. С. I–VIII.
- Апресян 1995г: *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Апресян 2001: *Апресян Ю.Д.* «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. III–XXXIII.

- Апресян 2021: *Апресян Ю.Д.* Мне почему-то всегда везло на хороших людей ("Arzamas", 8 сентября 2021 г.). URL: <https://arzamas.academy/mag/1004-apresjan>
- Арутюнова 1964: *Арутюнова Н.Д.* Американский структурализм. Грамматика // Гухман — Ярцева 1964. С. 239–306.
- Арутюнова 1968: *Арутюнова Н.Д.* О значимых единицах языка // Ярцева 1968. С. 58–116.
- Арутюнова 1976: *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П. (отв. ред.). Слово и язык: Сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2011. 738 с.
- Булыгина 1964: *Булыгина Т.В.* Пражская лингвистическая школа // Гухман — Ярцева 1964. С. 46–126.
- Булыгина 1968: *Булыгина Т.В.* Грамматические оппозиции // Ярцева 1968. С. 175–231.
- Булыгина 1977: *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.
- Гак 1977: *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Серебренников — Уфимцева 1977. С. 230–294.
- Герасимов — Пятигорский 1962: *Герасимов А.В., Пятигорский А.М.* Общая модель культового поведения в тантризме с точки зрения лингвистической психологии // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1962. С. 112–117.
- Гладкий — Мельчук 1969: *Гладкий А.В., Мельчук И.А.* Элементы математической лингвистики. М., 1969. 192 с.
- Городецкий — Раскин — Зализняк 1972: Городецкий Б.Ю., Раскин В.В. (сост., ред.); Зализняк А.А. (ред. задач). 200 задач по языковедению и математике. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1972. 252 с. (= Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Под общей ред. В.А. Звегинцева. Вып. 8).
- Гухман — Ярцева 1964: Гухман М.М., Ярцева В.Н. (отв. ред.). Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964. 360 с.
- Зализняк 1967: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. 373 с.
- Касевич 1977: *Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука; ГРВЛ, 1977. 183 с.
- Крылов 1983: *Крылов С.А.* Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Нариньяни 1983. С. 148–170.
- Крылов — Падучева 1983: *Крылов С.А.* (совместно с Е.В. Падучевой) Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Герасимов В.И. (ред.). Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: ИНИОН, 1983. С. 25–96.
- Крылов 1995а: *Крылов С.А.* (совместно с С.А. Григорьевой) Приложение 1. Лексический указатель. Материалы к справочно-библиографическому словарю русского языка. Часть 2. Выполнена при участии А.А. Соловьевой. Лексика русского языка на страницах книги Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика» // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры — Восточная литература, 1995а. С. 365–407.
- Крылов 1995б: *Крылов С.А.* Приложение 2. Семантический указатель // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры — Восточная литература, 1995б. С. 408–421.
- Крылов 1995в: *Крылов С.А.* Приложение 3. Предметный указатель // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры — Восточная литература, 1995в. С. 422–470.
- Крылов 2011: *Крылов С.А.* Об инвентаре семантического метаязыка описания русских глагольных конструкций в книге Ю.Д. Апресяна «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (опыт металингвистической систематизации) // Богуславский — Иомдин — Крысин 2011. С. 245–255.
- Крылов 2020: *Крылов С.А.* К вопросу о различении поверхностной и глубинной семантики // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 2. От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна. М., 2020. С. 170–189.
- Мельчук 1974: *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». Ч. I. Семантика. Синтаксис. М.: Наука; ГРВЛ, 1974. 314 с.
- Мельчук 1975: *Мельчук И.А.* Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии // Шрейдер 1975. С. 5–50.
- Михайлов 1977: Михайлов А.И. (отв. ред.). Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ПИК ВИНТИ, 1977. 216 с.
- Михайлов 1986: Михайлов А.И. (отв. ред.). Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ПИК ВИНТИ, 1986. 176 с.
- Нариньяни 1983: Нариньяни А.С. (ред.). Разработка и применение лингвистических процессоров: Сборник научных трудов. Новосибирск: СО ВЦ АН СССР, 1983. 171 + XII с.
- Падучева 1974: *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.

- Падучева 1977: *Падучева Е.В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Михайлов 1977. С. 91–124.
- Панов 1967: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967. 440 с.
- Прохоров 1969–1978: Прохоров А.М. (гл. ред.). Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
- Реформатский 1967: *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М.: Просвещение, 1967. 562 с.
- Реформатский 1971: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1971. 527 с.
- Серебренников – Уфимцева 1977: Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. (отв. ред.). Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. 359 с.
- Спиркин 1952: *Спиркин А.Г.* Проблема фонемы и ленинская теория отражения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Том XI. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 474–479.
- Шаумян 1952: *Шаумян С.К.* Проблема фонемы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Том XI. № 4. Июль–август. С. 324–343.
- Шаумян 1953: *Шаумян С.К.* О некоторых вопросах фонологии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1953. Том XII. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 529–548.
- Шрейдер 1975: Шрейдер Ю.А. (отв. ред.). Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ПИК ВИНТИ, 1975. 204 с.
- Ярцева 1968: Ярцева В.Н. (отв. ред.). Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. 292 с.
- Apresjan 1992: Apresjan, Ju.D. Lexical Semantics. A Guide to Russian Vocabulary. Translated by Alexander Lehrman, Nathan and Ludmila Longan, Alexander Eulenberg. Ann-Arbor: Karoma Publishers, 1992. 633 s.
- Apresjan 2000: Apresjan Jurij D. Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka. Przeł. Zofia Kozłowska i Andrzej Markowski. Drugie wydanie polskie przygotowały Zofia Kozłowska i Elżbieta Janus. Wrocław – Warszawa – Kraków: Ossolineum, 2000. 439 s.
- Krylov et al. 1992: Krylov S.A. (together with S.A. Ivanova & A.A. Solovjeva) Vocabulary index // Apresjan 1992. P. 555–633.